

Обычные люди верят в богов, которые могут управлять ветром и дождем, обладают великой силой, в чем-то похожей на высших существ Мира Нежити, таких как Костяной Драконе и Лич. Слабые могут только подчиняться или сопротивляться, но не верить.

Но раз Цинь Сун спросил, Бай Цзиньинь не мог не ответить.

Глядя на маленькую надпись «Богиня Деторождения, исполняющая желания», он осторожно сказал:

— Я не могу рожать, поэтому не особо верю в это.

Цинь Сун:

— ...

Если один план не сработал, есть другой. Цинь Сун нажал на кнопку музыки, и в тесном салоне зазвучали буддийские мантры:

— Намо, хэло дана, до ло е е, намо, а ли е, по лу цзе ди, шо бо ло е, пу ти са дуо по е, мо хэ са дуо по е, мо хэ, цзя лу ни цзя е, ом...

Будда сказал: «Тысячи ламп и десятки тысяч светильников не сравнятся с одной лампой в сердце. Все, что происходит в этой жизни, — это карма прошлой жизни».

Воспоминания всплывали одно за другим. Сколько раз в такие поздние часы он и И Хуэй уезжали на машине к окраине города, подальше от людей и суеты, подальше от тысяч огней, потому что в их сердцах горела одна лампа, которая принадлежала только им.

Цинь Сун почувствовал прилив тепла в груди, повернулся и увидел, что Бай Цзиньинь, кажется, погрузился в звучание мантр. Уличные фонари освещали его лицо, создавая мягкое желтое свечение.

— Ты можешь полностью доверять мне, — голос Цинь Суна был хриплым, он осторожно взял руку Бай Цзиньиня. — Я буду защищать тебя, что бы ни случилось. Я всегда буду на твоей стороне.

Неизвестно, подействовала ли Мантра Великого Сострадания, но Бай Цзиньинь не отстранился, а, наоборот, закрыл глаза, словно о чем-то размышляя.

Цинь Сун больше не говорил, хотя ему очень хотелось узнать правду, взять на себя тайну Бай Цзиньиня, обнять его и сказать: «Прошло три года. Три года».

И тут он почувствовал, как Бай Цзиньинь слегка поцарапал его ладонь ногтем.

Это легкое, щекочущее ощущение, усиленное нервными окончаниями, заставило Цинь Суна вздрогнуть, и машина на дороге описала изящную букву S. И Хуэй при жизни любил этот жест, это был сигнал, означающий желание близости.

Цинь Сун невольно сглотнул и уже хотел что-то сказать, как Бай Цзиньинь перевернул его руку и начал нежно гладить, с восхищением глядя на нее:

— Твоя рука такая красивая.

Цинь Сун:

— ...

Бай Цзиньинь искренне восхищался. Скелет Цинь Суна идеально соответствовал его эстетическим представлениям. Если бы он действительно мог иметь такого скелета-подчиненного, он бы каждый день обнимал его во сне, не отправил бы на поле боя и попросил бы свою сестру-зомби Глорию вырезать несколько костяных цветов для украшения.

То, что произошло в зале, он не озвучивал, но в душе все понимал.

Доброта и помощь в Мире Нежити были как солнечный свет, пробивающийся сквозь тьму. Цинь Сун помог ему, хотя причина была в подозрении, что он — перерожденный И Хуэй. Но для Бай Цзиньиня это было бесценно.

Был ли он И Хуэем? Бай Цзиньинь до сих пор не знал.

А если это действительно И Хуэй?

Бай Цзиньинь задумался над этой возможностью и тем, как ему следует относиться к Цинь Суну.

Любовь к красоте присуща каждому. Подумав, он понял, что испытывает к Цинь Суну симпатию. В баре, при первой встрече, это можно было назвать — «любовь с первого взгляда на кости».

Слова, которые Цинь Сун говорил, держа его за руку, Бай Цзиньинь понимал.

Как и Бай Жулянь, Цинь Сун был единственным человеком в этом мире, который не вызывал у него чувства угрозы и которому он мог доверять.

Доброта Цинь Суна, и даже — его любовь.

Бай Цзиньинь не знал, как отплатить за это, и вдруг его осенила идея. Он сжал руку Цинь Суна и с энтузиазмом предложил:

— Давай станем братьями по крови.

Цинь Сун:

— ...

Даже переродившись, он не смог избавиться от привычки предлагать всем стать братьями.

Цинь Сун не смог сдержать улыбку, понимая, что дальнейший разговор сведется только к держанию за руки и поцелуям в лоб, поэтому прямо заявил:

— Я могу быть как ты, только держать за руку и целовать в лоб, договорились?

Бай Цзиньинь еще не успел ответить, как Хэй-хэй, внимательно следивший за развитием событий и летевший рядом с машиной, через связь сознания крикнул:

— Хозяин, у тебя нет опыта в любви, не отказывай и не соглашайся, скажи, что подумаешь, а когда вернешься домой, я все объясню.

Хэй-хэй, ранее дважды успешно изображавший женщину, чтобы помочь Бай Цзиньиню

избежать неприятностей, укрепил свои позиции главного советника. К тому же Бай Цзиньинь действительно не знал, что ответить, поэтому согласился.

Получив такой ответ, Цинь Сун нажал на газ и продолжал держать руку Бай Цзиньиня. Когда они подъехали к входу в переулок, его взгляд вдруг потемнел:

— Завтра я заеду за тобой в полицию. И еще, когда вернешься домой, проведи время с мамой.

Переулок был узким, и машина не могла проехать. Бай Цзиньинь кивнул, вышел из машины и вежливо попрощался, затем быстро исчез в густой ночи.

Цинь Сун смотрел ему вслед, закурил сигарету и спокойно посидел несколько минут, пока не убедился, что Бай Цзиньинь благополучно вошел в дом. Затем он достал телефон, на экране которого было сообщение от незнакомого номера:

[Вернись домой, поговорим.]

В этом мире тьма всегда существует рядом со светом, добро — рядом со злом. В таком противоречивом городе есть люди, как Бай Цзиньинь, обладающие огромной силой, но желающие жить тихо, есть преданные, как Цинь Сун, добрые, как Бай Жулянь, и есть — другие существа!

На вершине высотного здания, обдуваемая ветром, стояла женщина в белой накидке. Ее фигура была изящной, длинные черные волосы украшены десятками цветов всех размеров и расцветок, а в руках она держала кактус с розовыми цветами.

Она выглядела, как брошенный после открытия магазина букет.

Она задумчиво смотрела на удаляющиеся фигуры Бай Цзиньиня и Цинь Суна. Если бы Бай Цзиньинь все еще был Повелителем Скелетов, он бы узнал этот образ. Это была его сестра-зомби Глория, которая при жизни была знаменитой принцессой, а после смерти превратилась в уродливого зомби и каждый день вырезала костяные цветы, чтобы украсить себя.

Через мгновение она шагнула вперед, почти не прилагая усилий, но с молниеносной скоростью оказалась на другой стороне улицы, на вершине другого здания. Ночной ветер развевал ее длинную юбку, похожую на белую простыню, обнажая полуразложившуюся кожу.

Бай Цзиньинь тихо открыл дверь, и его встретил знакомый сладкий аромат. На столе стояла миска супа из груши с сахаром, рядом лежала записка с неровным почерком:

«Мама уже спит. Песня на соревновании была прекрасна, продолжай в том же духе».

Выпив суп, Бай Цзиньинь почувствовал, что пустота, вызванная отсутствием Бай Жулянь на соревновании, немного ушла. Он осторожно помыл миску на кухне и вернулся в свою комнату, закрыв дверь.

За окном царил тишина, луна висела, как серп. Бай Цзиньинь не включил свет, темнота давала ему чувство безопасности, позволяя успокоиться, подумать или просто помечтать.

Три года жизни в Мире Нежити оставили глубокий след в его душе. Выжить, не быть поглощенным сильными существами, было его главной мечтой каждый день.

Узнав о свежем трупе, он без раздумий отправился туда, а затем решил вызвать полицию. Хотя

это было предложение Хэй-хэй, на самом деле Бай Цзиньинь после инцидента в медицинском университете стал более осторожен и понимал, что полиция, скорее всего, обнаружит его следы в женском туалете.

После звонка в полицию Хэй-хэй подтвердил его подозрения: в деле о зомби в медицинском университете он стал главным подозреваемым.

Осторожность и терпение были его главными инструментами выживания. Опасность приближалась, полиция подозревала, что он обладает способностями, выходящими за пределы понимания этого мира. Бай Цзиньинь не знал, заберут ли его, как говорил Хэй-хэй, для исследований, поэтому он воскресил Дань-Даня, чтобы хотя бы иметь силы для борьбы.

Позже Дань-Дань предложил притвориться воскресшим, и Бай Цзиньинь согласился. Во-первых, он не хотел терять свою спокойную жизнь, а во-вторых, Дань-Дань пообещал уладить все.

По дороге домой Бай Цзиньинь понимал, что означали слова Цинь Суна, но он не мог быть полностью откровенным. Это было не из-за того, что он доверял Дань-Даню больше, чем Цинь Суну, а из-за — контракта с огнем души.

Воскресшие неживые существа всегда верны и не предают.

В понимании этого мира каждый из его подчиненных был сильнее, чем он сам на данном этапе.

Дань-Дань был участником событий, и его предложение, казалось бы, усложняло ситуацию, но на самом деле было направлено на то, чтобы полностью снять с него подозрения и уйти из поля зрения полиции. Бай Цзиньинь вернулся в зал, позволив полиции окружить себя, но через связь сознания продолжал общаться с Дань-Данем.

Как и говорил Дань-Дань, полиция быстро изучила записи с камер, и Бай Цзиньинь, находившийся в зале во время соревнования, не мог быть причастен к преступлению.

<http://bllate.org/book/16788/1544106>